

* * *

Вот так умудриться –
из двух поколений выпасть.
Писать бесконечно и понимать,
что всё попусту.
Это же надо! Так до сих пор
не насытиться
ни словом, ни делом. Словно ржавые
лопасти
крутятся даром от ветра в поле.
Или старая мельница моего прадеда.
Лишние люди пишут о личной боли,
а другим смешно. Другим, слава богу,
набело
можно сразу читать с любых подмостков.
Они легко взлетят по крутым лестницам.
Но мне не нужно руки подавать. Я просто
останусь внизу. Здесь не так ветрено...

* * *

Когда мне надоело говорить,
когда я разучилась вмиг звонить
по разным телефонным номерам,
и повторять – простите, отвлекаю.
Всего лишь пять минут... пока жива.
Как пошло эти слышались слова,
когда будто перед мчащимся трамваем.
А на меня смотрели свысока.
И избегали, как чумы века
тому назад. Меня не понимали.
Но думали, что я стерплю нахрап.
Себе напоминая баобаб,
Я выжидала время. Там, за маем
мне виделся декабрь. Ну уж то в нем
случится чудо! Чуда не случилось.
Я начинала всякий раз с начала,
пока не разучилась телефон

держат в руках. Пока все номера
из памяти не стерла подчистую.
Пока не позабыла имена...
Пока живу, пишу и существую.

* * *

Апрель трясёт снега из облаков.
как будто домовитая хозяйка,
что по весне несёт во двор перину,
кладет её на деревянный стол,
и долго бьёт резиновой хлопущей,
лишь слышен свист. На палисадник льют
из окон воду. Отмывают рамы,
готовят краску, кисти, ацетон,
Далёким дымом из садов потянет,
и огласится двор веселым криком,
не виделись за зиму, стало быть...
И это все и называлось жизнью.
Как оказалось много лет спустя,
я в памяти тону, как будто в брызгах
весеннего и робкого дождя.

Моему деду

Они сходились вечером во двор.
Кто в пиджаке, кто в старенькой рубашке.
Но, где-то через, час, а, может, два
весь двор заполняли голоса,
они как будто снова в рукопашной
под Курском были,
или под Орлом.
Вновь жёг глаза им крепкий беломор,
они орали, спорили, молчали.
А на дворе был семьдесят восьмой.
Ещё все живы, не соврёшь – прознают.

Они встречались во дворе весной,
а уходили порознь, за звездой
над скромным обелиском,
ближе к краю...

* * *

Мир изначально был свой и чужой.
Мир изначально был черным и белым.
И я не стремилась расширить пределы,
но нож не держала за твердой душой.
Мир изначально был наш и не наш.
В него чужаки забредали нечасто.
Но только сильнее сжималось
пространство,
и оставался в руке карандаш.
Я буквы чертила как птица пером,
Я рисовала невнятные знаки.
И всё о себе. Словно в мире большом
нет больше людей, и они виноваты,
что сами исчезли, ушли, прихватив
с собой времена, где была я другою.
Но что-то случилось с тобой и со мною,
когда на фальцет вдруг сорвался мотив...

* * *

Я смертельно устала от нищей страны.
Я устала от вечного чувства вины,
покаяний, прощаний, прошений
фальшивых.
Ожиданий грядущего завтра, надежд
пустотелых. Мы будто бы все без одежд
на холодном ветру. Не Христу и не Шиве
не понятен давно этот край воронья.
Мы гордимся вчера, и живём мы вчера.
Завтра здесь не бывает. Разбейся
о плаху!
Нам никак не пристать, не приплыть,
не дойти.
Я устала быть вечно в каком-то пути,
И латать в сотый раз я устала рубаху
на чужой, не моей, слава богу, груди.
Я устала рабом быть имперской страны.
Но давно нет внутри ничего, даже страха.
Пустотелость и стыд как последний
оплот.
Если я есть народ, или попросту сброд,
население, местность, массовка тупая?
Нам бы всем отдохнуть,
нам бы всем убежать.
Только где же нас ждут,
де мы сможем сказать,
Что вот это есть родина, пусть запасная.

* * *

Ты можешь писать, как бог.
Можешь не писать вовсе.
Тебя все равно не выпустят за флажки.
Ночами юродивые выползают на площадь

и гуляют, пока все спят.
Юродивые собираются в кружки.
Разводят костры.
Но с первыми лучами солнца,
убегают в каморки, где окон нет.
Дети тьмы, что вам еще остается...
Но будет ярким самый последний свет.

* * *

Есть веский повод –
взять и позвонить.
Поздравить с Новым годом.
Осторожно спросить,
как пролетела жизнь.
Соврать, что счастлива.
Услышать, что он тоже.
Есть дети, внуки.
Все, как и хотел.
... Но только навсегда потерял номер.
и хорошо, так дышится спокойней.

* * *

Иногда ночью появляется один человек.
Он садится в кресло,
рукой подперев подбородок.
И я вижу в сумраке, как падает с его век
белый снег
на черный костюм, застревая
в бороздках,
и лацкан светлеет.
Он смотрит куда-то вверх,
и нехотя цедит.
Смешно и глупо бороться.
Ты думала, что будешь счастливее всех?
Отрицая природу,
не понимая грехи первородства.
В тишине так противен скрипучий смех.
Но я не вступаю с ним в диалог. Нет
желания оправдаться.
Если жизнь – это путь комет,
то по законам физики
нас однажды проглотит пространство.
Но останется этот невидимый человек...

* * *

Оставляя зарубки на полях
изумленной зимы,
на всякий случай, вдруг вернуться
придётся,
Я люблю сумерки, когда зажигаются
фонари
и притворяются солнцем.
Мне нравится город, опустевший, седой,
злой.
Мы наконец-то хоть в чем-то с ним
совпадаем.
Ты просто высади меня у метро,
До меня до сих пор не ездят трамваи.
Но я пешочком, здесь не очень то далеко.
Только не провожай. Мне одной легко

